

18+

АНДРЕЙ ПРОХОРОВ

ИНДЕКСАЦИЯ

User-agent: *

Allow: /

Disallow: /http://hotnews.com/page...

Андрей Прохоров

Индексация

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Прохоров А.

Индексация / А. Прохоров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-09721-6

40-летний Максим Пахомов – директор строительной фирмы, ассоциировал свою жизнь с многостраничным сайтом. Все события в ней были лишь страницами, содержащими ссылки: детство, юность, работа, родители, семья, развод, горе... Всё было, как у многих. Но однажды, в его жизни проиндексировались две ссылки: "любовь" и "дружба". «Любовь» пришла из виртуального мира и воплотилась в страстную, жгучую, чувственную реальность. А пройдя по ссылке «Дружба», он оказался во враждебном и опасном мире, до нереальности реальном. Будет ли индексация ссылки «Смерть», модератор своего жизненного сайта не знал?..

ISBN 978-5-532-09721-6

© Прохоров А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1. Чьей воле мы отдались?	5
Глава 2. Запах пороха	16
Глава 3. Пороховой дым	23
Глава 4. Бабочка – это животное насекомое	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1. Чьей воле мы отдались?

**Я плакал, потому что у меня
не было футбольных кед,
но однажды я встретил человека,
у которого не было ног.
Зинедин Зидан**

Суббота, 12 Августа 2017 года

Сквозь веки утреннего сна, первое, что донеслось до сознания Макса, был шум проезжающих на улице машин. Затем он услышал знакомое негромкое урчание холодильника на кухне. Он дома.

Глаза не хотели открываться, как будто веки были свинцовыми и опухшими.

Невероятным усилием воли, одновременно приподнимая брови, Макс всё-таки произвёл успешную расстыковку век.

Взгляд упёрся в большой женский розовый сосок.

От неожиданности, изначальным порывом явилось прикрыть его рукой, что, собственно, Макс и сделал, но потом, вспомнив все события вчерашнего дня, так же резко, как будто от удара током, убрал ладонь с груди.

Этого простого действия было достаточно, чтобы обладательница розового соска, похрапывая потянулась и изогнула спину, передавая мелкую дрожь спальному ложе.

Это была Светка. Вернее, Светлана Викторовна Рассадова – главный государственный налоговый инспектор выездных проверок, она же бригадир команды инспекторов, в последние 3 месяца оккупировавших бухгалтерию предприятия Макса.

Светка была довольно миловидной блондинкой, хотя по корням волос можно было определить, что она русая. Среднего роста, но плотненькой, так как кость у неё была широкая. Выдающимся в её телосложении была грудь шестого размера, или как многие такую называют – «папина радость», которая была относительно упругой и широко расставленной. Светке было 35 лет, но она была «разведённой», воспитывающей одна 10-летнюю дочь.

Про возраст и дочь Макс узнал накануне, когда они сидели в ресторане «Добрыня Никитич» и куда Максим пригласил Светлану Викторовну для ведения деловых переговоров о рисках и последствиях налоговой проверки для его предприятия и возможных вариантах решения проблем.

Всё начиналось как всегда: сначала настороженная светская беседа о погоде, экономическом положении в стране, проблемах предпринимательства. Вопрос о лояльном отношении контролёров к деятельности предприятия был решён, как ни странно легко и практически сразу, поскольку устроил всех. Записка с цифрой переключалась из наманикюренной руки Светланы Викторовны под салфетку, лежащую перед Максимом. Ему хватило лишь беглого взгляда, чтобы принять решение и утвердительно кивнуть головой.

После этого «лёд» быстро растаял, чьему таянию способствовало активное употребление горячительных напитков (по общему предпочтению пили только водку) и темы для разговоров стали более флиртными.

Между порциями блюд, Светлана Викторовна, как бы доверительно наклонялась к уху Макса, чтобы сказать своё мнение о том или ином посетителе ресторана, манерах официантов, или посмеяться над «профессионализмом» доморощенных певцов, заказывающих песни под караоке. Притом каждое её «доверительное обращение» сопровождалось упором её руки на коленку к Максиму и этот упор с каждым разом был всё выше и доверительней.

После очередной отлучки в дамскую комнату, куда Светлана Викторовна брала с собой телефон, она возвратилась к столику и чуть заплетающимся языком проговорила:

– Эх, гулять, так гулять! Сегодня пятница, а значит она – развратница!

Эта фраза, как позже узнал Макс, означала, что с дочерью переночует бабушка и Светка сегодня идёт «во все тяжкие».

После пятичасового ресторанного общения и выкушав изрядное количество «беленькой», Светка созрела на показ мастер-класса под караоке.

Пела она классно, или просто захмелевшему Максиму так казалось, но под её исполнение песни «Ты, теперь я знаю, ты на свете есть...», он впервые за 3 месяца профессионального общения с ней, ощутил невероятную тягу оградить её от тягот жизни, пригреть под своим крылом и... затащить в постель.

Хотя вопрос о том, кто кого тащил в постель так и остался для Максима открытым, поскольку после ресторана, Светка, на волне общественного признания посетителей ресторана, получив порцию оваций и аплодисментов, захотела немного «растряситься» на танцполе в «Бессоннице» – одном из ночных клубов города Белогорска.

Эту часть их походов Макс практически не помнил. Всё, что врезалось урывками в память – это вспышки стробоскопа, невероятный шум в ушах и частые «дринки» у барной стойки под дольку лимона на шпажке...

– Доброе утро, Ковбой! – прохрипела Светка, – при этом пару раз кхыкнула, прочищая горло. – Ну ты и скоростной жеребец! Вчера я даже не успела сесть в седло, а ты уже в стойло! Надо исправлять ситуацию, а то я превращусь в Снежную Королеву.

Макс попытался как-то оправдаться, что, мол, спиртное виновато, да и устал он за неделю, но получилось как-то неубедительно и жалко.

– Как ты смотришь на то, чтобы подбросить угольку? – спросила Светка, притом этот вопрос звучал не как вопрос, а как приказ и руководство к действию.

Макс опять предпринял слабую попытку что-то возразить, то бишь, зубы не чищены, но его уже никто не слушал.

– Так, где у нас тут уголёк-фитилёк? – сама с собой разговаривая, проговорила Светка и нырнула под махровую простынь.

Через короткий промежуток времени, Макс, по приливу волны наслаждения и равномерному колыханию простыни понял, что Светка всё-таки добралась до его «угольных копей».

Через час, открячавшись и отдышавшись, раскрасневшаяся Светка выпалила:

– Ладно, Ковбой, мы победили! – хотя «победила» она одна. – Но не расслабляйся, это только артподготовка. Думаю, нам надо чаще обсуждать вопросы по налоговой проверке, она ведь по факту только началась. – Приподняв одну бровь, Светка полувопросительно улыбнулась.

По её уверенному, командному тону, Макс понял, что у Светки уже наметилась какая-то перспектива в плане их взаимоотношений, что подтвердилось ещё в одной её фразе:

– А шторы надо-бы тебе постирать...

Максиму Сергеевичу Пахомову три месяца назад стукнуло 40 и его День Рождения совпал с не совсем радостным «подарком» для руководителя любого коммерческого предприятия – приходом налоговых ревизоров на выездную налоговую проверку. Коллектив предприятия, несмотря на возражения с его стороны о поздравлении в эту дату, всё же поздравил его, организовав лёгкий фуршет, но без шариков и преподнеся в качестве подарка кожаный портфель марки «Brialdi».

В свои сорок Макс выглядел не более, чем на 35. Симпатичный брюнет с голубыми глазами, атлетичной и подтянутой фигурой, так как всегда старался поддерживать себя в хорошей физической форме. Предпочитал удерживать свои антропометрические данные в идеальной

пропорции: рост 185 сантиметров, вес 85 килограммов. Два, а то и три раза в неделю ходил в фитнес клуб «Спортэк», где помимо часовой кардионагрузки на эллипсоиде, ещё час посвящал общей физической подготовке (ОФП) на различных тренажёрах и после этого один час уходил на инфракрасную сауну и бассейн.

Максим с детства был строен и спортивен и неоднократно выступал сначала на школьных, а затем и институтских соревнованиях по лёгкой атлетике. Любимой его дистанцией было 400 метров, которые он в лучшие годы пробегал, выбегая из 50 секунд, что соответствовало званию кандидата в мастера спорта. Для разнообразия в школе ходил на секцию волейбола, а в институте в секцию восточных единоборств «Кёкусинкай» и даже имел синий пояс и 7-ой кю.

Любовь к спорту Максу привил его отец – Сергей Алексеевич Пахомов, школьный учитель физкультуры.

Максим всегда помнил отца на школьной спортивной площадке со свистком во рту, его громогласные и резкие команды ученикам и обращение к ним – «балбесы» или «шкеты». В то же время, он не мог не замечать в глазах у сверстников уважение к его отцу и зависть по отношению к нему.

Отец стал с ним заниматься с 12 лет, потому что до этого Макс был «захвачен в плен» желанием матери дать сыну музыкальное образование. Она тоже была учителем в школе, но другой дисциплины – музыки.

Свою маму – Лилию Владимировну Пахомову (в девичестве – Изотова), Макс всегда помнил с надетыми на плечи ремнями баяна «Этюд» и ту лёгкость, с которой она обращалась с этим, довольно-таки, увесистым инструментом.

То, что баян был тяжёлым, Максиму приходилось познавать на протяжении пяти долгих лет обучения с 7-до 12 лет. Но не это было главной трудностью в освоении нелёгкой музыкальной науки, а все эти сольфеджио, диезы и бекары. Бесспорным обстоятельством его нелюбви к музыке явилось, конечно же, полное отсутствие желания заниматься ею. Хотя музыкальный слух у него был и притом весьма тонкий.

Как-то раз, мама, услышав взятые Максом верхние ноты какой-то песни, достала сборник музыкальных песен и сказала:

– Ну-ка, спой эту, а я тебе подыграю.

Легковерный Максимка, без тени подозрения исполнил песню под аккомпанемент маминго баяна и был «приговорён» к должности солиста в школьном музыкальном хоре.

Городские конкурсы школьной художественной самодеятельности в те времена, проходили ежегодно и роль солиста школьного хора была закреплена за Максом почти до 14-летнего возраста – возраста ломки голоса. После этого мама отстала и Максим полностью был отдан в распоряжение отца.

Родители были с одного года рождения – года окончания войны. Они оба были из одного детдома и практически всю свою сознательную жизнь, а это почти 70 лет, прожили вместе, так сказать, рука об руку. Таких детей ещё называли – «дети войны».

Они видели всё: и голод, и разруху, и болезни, и бытовые неудобства, прошли через все трудности послевоенного восстановительного периода. Но всё это делали вместе, от этого становилось немного, но легче.

Жажда жизни у «детей войны» сильна, как ни в ком ином. И пусть нет родственников и близких, зато у мамы был папа, а у папы была мама. Они, как альпинисты, шли по жизни в одной связке и вытягивали друг друга из пропасти и подстраховывали друг друга над пропастью, не надеясь ни на чью помощь.

Макс был не единственным ребёнком в семье, у него была старшая сестра. Их разница с сестрой в возрасте составляла 10 лет. Макс помнил, что когда он пошёл в первый класс, то его сестра, заканчивающая школу, казалась ему такой взрослой, большой и недостижимой, что он чувствовал себя просто «мелким заморышем».

Полина была красавицей, как дитя, рождённое в любви. Она взяла от родителей всё самое лучшее. От папы, она унаследовала шикарную русую шевелюру и стройную фигуру, от мамы взяла карие глаза и классические пропорции лица.

Однажды, в начале 90-х, она даже участвовала в популярных тогда конкурсах красоты и завоевала титул «Вице-мисс» города Белогорск, Южноуральской области. Но, так как была однолюбом, как мама, то с лёгкостью отказалась от многочисленных предложений из модельного мира и шоу-бизнеса, а также богатых поклонников и посвятила себя любви единственному человеку – своему однокласснику Вадиму. Вскоре, после прихода Вадима из армии, они поженились и родили себе двух прекрасных дочек. Полина заочно закончила медицинский институт и работала врачом-реаниматологом на станции скорой помощи города Белогорска.

Любовь же к Максиму со стороны родителей, как к относительно позднему ребёнку, не имела никаких прецедентов.

Их заботой и вниманием он был окружен, как «Паулюс под Сталинградом».

Забота ощущалась практически всегда и везде.

Когда Макс поступил в Уральский государственный политехнический институт, имеющему военную кафедру, ему приходилось на неделю уезжать из родного дома и жить в студенческом общежитии.

В воскресенье, мама обычно собирала ему полную сумку с продуктами на неделю: картофель, одноразовые суповые пакеты, сухари, шмат домашнего сала, консервы и солёности, варенье и чай. Всё это в молодые, голодные, студенческие годы поглощалось в полном объёме и порой даже не хватало, поэтому Макс «подпитывался» у молодых однокурсниц, оказывая им простые ремонтные услуги. Кому-то петли на двери поменять, кому-то стекло вставить, кому-то тумбочку собрать или передвинуть шкаф.

Конечно, однокурсницы заглядывались на высокого и симпатичного брюнета, а просьба помочь «передвинуть мебель», скорее имела иной смысл, то бишь познакомиться и развить отношения дальше. Но «рукастый» однокурсник держался нейтрально, хоть не отчуждённо, и, сделав работу, поглощал предложенный обед и уходил со словами:

– Если что, то моя комната 612. Обращайтесь.

Но, как бы ни крепился молодой парень, всё же гормоны сделали своё дело.

Со своей будущей женой – Ириной, Макс познакомился, когда ему было всего 20 лет, в 1997 году, на студенческой практике в стройотряде в посёлке Дагомыс, куда их направили от учебных заведений на всё лето. Море, солнце, фрукты и молодое вино, которые он позволял себе по вечерам после смены, явились дополнительным катализатором для обострения природных инстинктов.

Молодую девушку, работающую штукатуром в другой бригаде, он заметил сразу.

Она была среднего роста, с идеальной фигурой и очень симпатичной, настолько, что в сознании Макса всегда возникал диссонанс между внешним образом девушки и работой, которую она выполняет. Он представлял её скорее участницей какого-нибудь конкурса красоты, нежели в студенческой строительной робе и с ведром раствора.

Иринка была весёлой и улыбчивой, громкой и работящей. Шутки и подколки сыпались из неё практически беспрестанно. Как казалось Максиму, она была светлым и чистым человечком.

Иринка тоже бросала взгляды на Макса, в которых зачастую сквозил вызов, типа, слабо подойти?

И однажды Макс подошёл... И не отходил почти 10 лет!

Их первый поцелуй был настолько страстным и голодным, что они кусали друг друга (разве что не грызли), впивались дёснами и высасывали губы, причиняли лёгкие раны и снова губы в неистовстве смыкались в единую субстанцию. Голод был ненасытен. Губы были синими.

Иринка была на 2 года старше Макса и также училась в областном центре Южноуральской области, откуда была родом, но только в другом институте – планово-экономическом.

После летней практики, они встречались в городе каждый день. Иногда пропускали лекции, чтобы побродить по городу или посидеть в парке, иногда, когда у Иринки никого не было дома, приезжали к ней и с порога, сбрасывая все вещи на ходу, мчались в постель.

Через год они поженились и Макс переехал, в выделенную для молодых, комнату квартиры родителей Ирины.

Оставшиеся два года студенческой жизни протекали по графику: институт, библиотека, подработка на стройке, сон. Секс тоже был, но уже не такой яркий, поскольку от усталости оба валились с ног.

В тот год (2000), когда институты «выплюнули» в мир готовых специалистов, Макса и Ирину, им было соответственно, 23 и 25 лет.

Однокомнатная «хрущёвка», купленная в складчину родителями и молодожёнами стала их первой семейной собственностью. Это, конечно, был не предел мечтаний, но всё же отдельное от родителей жильё, где ты был сам себе хозяин и ощущал в полной мере свою независимость.

Вроде бы всё наладилось – есть жильё, у обоих работа: Макс – мастером в строительном управлении ЕМУ-4, Иринка – сметчицей в планово-экономическом отделе районной администрации, но именно тогда пара столкнулась с серьёзной проблемой – у них никак не получалось завести ребёнка.

Они не один раз сдавали все анализы, прошли все тестирования, ездили на заговор к «бабкам», пили отвары, соблюдали диеты и вели здоровый образ жизни, но всё было тщетно. Оба были здоровы, но не совместимы. Специалисты только разводили руками.

Последней неудачной попыткой было безрезультатное ЭКО – экстракорпоральное оплодотворение, в начале 2000-х набирающий популярность метод искусственного оплодотворения.

Макс, после этой неудавшейся попытки, испытывал не только боль, но и разочарование в справедливости провидения. В каком-то эмоциональном душевном порыве, он даже написал стих, но не решился его показать Иринке, чтобы ещё больше её не травмировать:

Вопрос, вгоняющий в тупик:
«Откуда происходят дети,
Откуда взялся человек,
Который громче всех на свете?»
Подарок аиста – избито,
Нашли в капусте – детский сад,
Другая версия – забыта,
Как производная услад.
Нет явственного алгоритма,
Когда, зачем и почему,
Господь услышит ту молитву:
«Пошли детей и дай семью!».
Сей божий дар и это точно,
Даётся любящим сердцам.
Ребёнку с ними будет проще,
На радость, мамам и отцам.
Вопрос: «Откуда дети взялись?» -
Адресовать имеет смысл
Тому, чьей воле мы отдались,
Тому, кто нас благословил!

С неудачей пришло и чувство неотвратимого краха. В отношениях появился холод и отчуждённость. Про страсть, пылающую вначале, не могло быть и речи. А затем:

- откуда-то, распахнув бездонную пасть, пришло равнодушие;
- откуда-то, злорадно скалясь, пришла безответственность;
- откуда-то, извиваясь скользким червем, пришла измена...

Макс, как военнообязанный, раз в три года, призывался на 2-х месячные военные сборы. Так и в 2007 году его не было дома 2 месяца...

Вернувшись, он сразу заметил перемены в поведении жены: ускользящий взгляд, растерянность и суетливость, частые смс-оповещения, сразу же стираемые, отлучки к родителям или подругам по нелепым поводам, тягостное нехарактерное молчание и задумчивость.

Разговор был недолгим и без эмоций, как между посторонними людьми, которые всё понимают, но ничего изменить не могут. Не было ни слёз, ни сожаления, всё куда-то ушло, в пустоту... Оба понимали, что будущего у них нет.

На следующий день после объяснений, Макс уволился и уехал к родителям, в родной Белогорск.

Родители, как и всегда, поддержали Макса. Их забота, казалось бы, возросла ещё на одну степень. Уже будучи пенсионерами, они, как два пернатых кормильца, окружили своего птенца вниманием и соучастием в его судьбе. Мама неустанно хлопотала на кухне, пытаясь приготовить что-то новенькое и повкуснее любимому сыну, отец подбадривал советами и пытался отвлечь внимание сына своим новым «пенсионерским» хобби – рыбалкой. Они неустанно повторяли одно:

- Тебе всего тридцать, будет у тебя ещё и любимая жена, и детки, а у нас внуки!

Макс же решил для себя сосредоточиться на работе и сделать карьеру. Ведь труд – лучший друг и спасатель от тягостных дум.

Он очередной раз поблагодарил провидение и совет отца, получить инженерно-строительное образование, поскольку профессия строителя всегда была востребована, уважаема и

хорошо оплачивалась. Хотя, дальновидный отец, преследовал тогда ещё и иную цель – чтобы Макса не забрали в армию из института с военной кафедрой, а там, не дай бог, не перекинули в Чечню. Ведь в 1995 году на Кавказе как раз шла настоящая 1 Чеченская война.

И на этот раз, отец похлопотал за сына. Он порекомендовал ему устроиться на работу в строительно-монтажную фирму своего давнего друга и владельца фирмы, занимающейся обслуживанием нефте- и газоперерабатывающих производств:

– Владимир Адамович Сикорский, мой давний друг, – сказал отец. – У него своя строительная фирма с историей и материально-технической базой. Он мой ровесник и уже не молод, поэтому подыскивает толкового руководителя на своё место. Поработай у него, освой участки, вникни во все тонкости бизнеса, произведи впечатление и, думаю, ты станешь его приемником через несколько лет.

Отец, как всегда знал, что нужно сыну, что для него актуально и интересно. Поэтому Макс, не раздумывая согласился.

Следующие восемь лет прошли для Макса в активной трудовой деятельности. Он начал с простого мастера строительной бригады, затем работал прорабом, начальником участка и наконец, в 2015 году, его назначили на должность заместителя директора по экономике и строительству.

За работой, Максим совсем не занимался устройением личной жизни, да и некогда было разводить всякие шуры-муры, когда в голове нескончаемой чередой крутились планы, технико-экономические обоснования, заявки на тендеры, локальные ресурсные отчёты, заявки в потребности материалов и отчёты об их использовании.

С карьерным ростом, добавлялось обязанностей и теперь Максиму приходилось мыслить более глобально: согласовывать договора, вносить в них изменения и дополнения, читать и обосновывать сметы, проводить деловые переговоры и совещания.

Из академического юнца он превращался в практикующего менеджера и притом хорошего. Благодаря его профессиональным усилиям, ЗАО «Промышленная изоляция», а именно так называлось предприятие, где работал Максим, прочно стояло на ногах – имело постоянный комплект договоров с Заказчиками, хорошую кредитную историю и свою финансовую «подушку безопасности» на чёрный день.

Директор фирмы – Владимир Адамович, видел результаты работы Максима и кроме устных поощрений, частенько премировал своего перспективного управляющего материально.

Как-то в сентябре 2015 года, Максу позвонила сестра Полина и сказала:

– Привет, Максют, – так она его называла с детства. – Скоро у родителей юбилей и притом у обоих, ты помнишь?

Максим, конечно, помнил и собирался сам звонить сестре, чтобы согласовать с ней вопрос о праздновании и подарках.

– Привет, Полинка, безусловно помню и собирался сам тебе звонить, а ты хватъ меня опередила, – Максим широко улыбался в трубку. – Событие-то не ординарное, да и мы, как любимые дети, должны поздравить их по полной. Какие предложения? Я – «за» всеми конечностями!

– Как ты смотришь на то, чтобы отправить их, например, в Египет, оплатив им тур на пару недель? Ведь они ни разу в жизни не были на Красном море. Расходы пополам. – Полинка выпалила это, как автомат. В её вопросе-предложении слышны были нотки уговора, поскольку этот вариант ей нравился, и она решила его отстаивать при любых раскладах.

– А я думал, что ты предложишь что-то более культурное и возвышенное, – сказал Макс, как бы «кусая» её за мещанскую психологию, хотя уже сам знал, что вариант неплох. – У нас и в России есть на что посмотреть и где культурно отдохнуть, будь то в Москве или Питере.

Полина на минуту задумалась, а затем выпалила:

– Гуд, давай сделаем им турне, так сказать, два в одном, – от моря она явно не хотела отказываться. – Сначала отдых тел на море, а затем отдых душ в Питере, дней на пять, а?

Максим согласился, тем более ему ничего больше не надо было делать. Как сказала Полина, её девчонки – племянницы Максима, такие продвинутые юзеры в интернете, что подберут тур и отель, закажут трансферы и забронируют гостиницу, оплатят электронные билеты на самолёт. Родителям нужно просто в каждом месте последовательно предъявлять документы и всё.

На том и порешили.

Как Полина убедила родителей принять предложение об их отдыхе «души и тела» только ей было известно. Отец было начал возражать, что в октябре закрытие летнего сезона в их рыболовном клубе, но аргумент половить диковинных морских рыб с катера в открытом море, оказался убедительней.

При сборах родителей, Макс лишь давал дельные советы:

– С собой берите только тёплые вещи, ведь ноябрьский Петербург – это не октябрьский Шарм-эль-Шейх. Всё, что надо для плавания и моря купите в отеле: маски, плавки, сланцы, майки, шорты, накидки, туники. Деньги я дам.

В аэропорту, как вспоминал Максим, отец дольше обычного держал его в своих объятиях и был каким-то растерянным. А мама, всегда весёлая и разговорчивая, расплакалась и в сотый раз наказала, чтобы он не забывал поливать каждые три дня цветы.

Это был последний раз, когда Максим видел своих любимых родителей. Нет, он созванивался с ними, слушал подробные рассказы о том, что им там хорошо, как в раю: чем кормят, что купили, как отец сходил на катере на морскую рыбалку, какие диковинные фрукты попробовали на местном рынке, какая у них анимация и культурная программа в отеле, на какие экскурсии они съездили и ещё поедут... Слышал... Но больше не увидел...

31 октября 2015 года стало для Максима, Полины, внучек чёрным днём. Этот день стал чёрным ещё для огромного числа родственников и близких 224 погибших в авиакатастрофе над Синаем. Для всей страны.

Одна война дала «детей войны», другая необъявленная, террористическая – забрала. Она не оставила ничего, кроме пепла.

Особенно убивались внучки – дочери Полины – Катя и Даша, ведь именно им, волею случая, удалось выкупить билеты на тот злополучный чартерный рейс 7К-9268 для бабушки и дедушки.

В тот день, Макс проснулся с неприятным гнетущим чувством. Сон, в котором он видел сырое мясо с кровью, лежащее на разделочной доске, облепленное большими зелёными мухами, он истолковал тяжестью на желудке, поскольку накануне в пятницу парились в бане и жарили шашлыки на даче у другого заместителя директора, закрывая дачный сезон. Да и шашлыки сами по себе намекали на мясо.

Но ближе к обеду, позвонила зарёванная Полина и сообщила страшную весть.

Ей позвонили из Питера, не то МЧС, не то из какого-то штаба и уточнив данные, предложили прилететь в Санкт-Петербург третьего ноября для опознания и проведения экспертизы ДНК, когда будут доставлены все тела и фрагменты тел погибших.

Макса долго била мелкая нервная дрожь, переходящая по возрастающей амплитуде в конвульсии. Потом конвульсии резко прекращались и снова подступала новая волна мелкой дрожи.

Это был шок – оупляющий и обезболивающий, не дающий реагировать ни на что, не дающий думать ни о чём, кроме одной мысли: «Мамы, папы – НЕТ!».

Сколько это продлилось – час или 3 часа, Макс не помнил, но, когда немного пришёл в себя, то позвонил директору и сообщил о произошедшем.

Владимир Адамович, также разволновавшись, говорил в трубку слова поддержки и приносил соболезнования. Голос его тоже срывался и видно было, что дыхание перехватывало, ведь отец был и его другом. Наконец, чуть успокоившись он произнёс:

– Сколько надо дней, столько и бери. О работе на время забудь, тебе и так предстоит сейчас быть собранным и заниматься этими тягостными делами. Если что надо, звони. Я всегда на связи.

В Санкт-Петербург, Максим полетел с сестрой 3 ноября.

Крематорий Санкт-Петербурга находился на северо-восточной окраине города по адресу: Шафировский проезд, дом 12. Именно там происходило опознание тел погибших и забор крови для ДНК.

Здание крематория представляло из себя двухэтажное здание из серых блочных плит, и напоминало характерную архитектуру домов культуры небольших городов в поздний советский период. Перед главным входом имелась довольно просторная площадка, выложенная серой плиткой, по периметру которой располагались бетонные клумбы с редкими, но живыми цветами и скамейки.

Единственное напоминание о современном времени – это окна и двери корпуса здания были сплошь из стеклопакетов.

В большом холле их встретила сотрудница МЧС, и сверив со списками, сначала поинтересовалась нужна ли помощь психолога, а затем, получив отрицательный ответ, указала на кабинет отбора крови для анализа ДНК.

Затем к ним подошёл страховой агент, который сделал копии с их паспортов и свидетельств о рождении, а также платёжные реквизиты для перечисления средств компенсации. Он рассказал, что все ближайшие родственники погибших, прошедших процедуру идентификации личности, получают по 2 миллиона рублей страховых выплат.

Компенсации... Как неуместно слышится это слово и по факту не означает его. Компенсировать кого или что? Жизнь отца или матери? Разве что-то может их заменить? Конечно, от денег никто не отказался, но это, наверное, единственный случай, когда их приход не радует.

Людей было много, они прибывали с каждым часом. В тёмной одежде, сгорбленные, убитые горем. Кого-то вели под руки, кто-то где-то рыдал навзрыд и туда на звук моментально устремлялись психолог и врач с медицинским чемоданчиком. По холлу носились запахи корвалола и нашатыря. На большом плоском экране телевизора, ежеминутно отражалась информация по спискам: кто, откуда, год рождения, стадия процедуры идентификации.

После отбора биоматериала, всё та же сотрудница МЧС поинтересовалась будут ли они ожидать результатов здесь, находясь в Санкт-Петербурге, есть ли у них где остановиться или уедут домой, поскольку процедура идентификации может занять от 2–х дней до 3 недель.

Макс с сестрой решили остаться.

Но остановились они в гостинице «Москва» на площади Александра Невского. Им невыносимо было заселяться в предложенном МЧС отеле, где размещались другие иногородние родственники погибших. Подальше от боли, от скорби, от тяжёлой атмосферы.

По молчаливому согласию, в дни их пребывания в Санкт-Петербурге и ожидания результатов идентификации личностей родителей, ежедневные маршруты с сестрой были разными.

Макс бесцельно бродил по Невскому и Владимирскому проспектам, улице Миллионной, Марата, Восстания, Петровской набережной и реки Фонтанки. Он везде представлял, что не будь трагедии, его родители могли бы пройтись здесь и насладиться видами Казанского и Исаакиевского соборов, Зимнего дворца и дворцовой площади. Полюбовались бы видами дворцов: Мариинского, Воронцовского, Мраморного, Аничкова, Михайловского, Строгановского...

Теперь всю эту красоту они не увидят, да и он видел её лишь через пелену, застилавших глаза слёз.

Полина же, каждый вечер рассказывала о том, какие церкви и соборы посетила и где поставила свечи за упокой родительских душ. География её посещений также была обширна – это Троицкий собор Александро-Невской лавры, Казанский кафедральный собор, Смольный собор, Собор Спаса Нерукотворного, Спас на Крови, Спасо-Преображенский собор, Собор Владимирской иконы Божией матери.

Через несколько дней, а именно восьмого ноября, им позвонили и сообщили об идентификации останков их родителей.

Две урны с прахом родителей они привезли в родной Белогорск, где и замуровали их за мраморной плитой в колумбарии городского кладбища.

После поминального обеда Макс пришёл домой, вернее в родительскую квартиру, где жил вместе с ними после своего развода. Впервые за всё время, дом был пуст и холоден. Исчезли запахи, готовящихся на кухне маминых блюд, звуки спортивных телевизионных трансляций из родительской комнаты, где отец неистово болел за кого-то, то и дело выкрикивая характерное «балбесы». Увядавшие цветы на подоконниках отражали общую мрачную атмосферу в доме. Полив их, Макс прилёг на софу в гостиной и отключился.

Ему впервые со дня гибели родителей приснился сон.

Они играют с отцом в футбол, а мама стоит в воротах, как заправский голкипер. Отец пасует ему мяч, а он замахивается и не может попасть – у него нет ног. Тогда он, со всего маха падает на землю и начинает плакать от того, что у него нет ног и от того, что он промахнулся – он неудачник, он калека! А мама, сбросив вратарские перчатки, подбегает к нему и говорит:

– Сынок, жизнь ещё будет тебя бить и швырять оземь, но ты всегда поднимайся и пой, ведь с песней легче по жизни идти! Надо только выучить сольфеджио!

Обычно, сны очень быстро забываются. Этот же сон, Максим запомнил на всю жизнь. Это был последний родительский совет, данный ему пусть и не наяву, а во сне. Они и «оттуда» проявляли о нём заботу.

Какими бы тяжелыми не были обстоятельства, нужно всегда находить в себе силы, чтобы их преодолеть. Не надо отдаваться чужой воле, а нужно надеяться только на себя, как только на себя в жизни надеялись родители Максима – Сергей и Лилия Пахомовы.

Глава 2. Запах пороха

**Во мне то булькает кипение,
то прямо в порох брызжет искра;
пошли мне, Господи, терпение,
но только очень, очень быстро.**

И. М. Губерман

Среда, 03 января 2018 года

Вот и прошёл год с момента назначения Максима генеральным директором ЗАО «Промышленная изоляция».

На предновогоднем корпоративе 29 декабря 2016 года Владимир Адамович Сикорский – главный акционер и конечный бенефициар, объявил о своём решении об уходе на заслуженный отдых, ему было уже 72 года.

Почти 40 лет он возглавлял и руководил своим детищем. Образованное, ещё в далёком советском 1976 году строительно-монтажное управление, имело в разные годы разную организационно-правовую форму.

Во времена плановой экономики предприятие было государственным, то есть ничьим. Оно создавалось на народные деньги и призвано было оказывать услуги для промышленной изоляции трубопроводов: водных, воздушных, газовых, химических и нефтяных, поскольку экономика Южноуральской области активно развивалась в советский период. Помимо традиционного обслуживания местных металлургических заводов, услуги предприятия по изоляции трубопроводов были востребованы на западе – в Башкирии и на востоке – в Западной Сибири, с их месторождениями нефти и газа.

С развалом Союза и переходом к рыночной экономике, Владимир Адамович, активно участвовал в приватизации, возглавляемого им монтажного управления. Всё делалось по закону. Сначала было создано открытое акционерное общество, где каждый монтажник являлся акционером и чувствовал свою значимость, владея определённым количеством акций.

Но акции и голоса – две разные вещи, поэтому все решения принимались лицами, являющимися крупнейшими акционерами общества, обеспечивающими кворум голосов.

Надо отдать должное Владимиру Адамовичу, он не нагнул. Никого силой не заставлял продавать свои акции, а если и скупал их у тех же монтажников, то давал хорошую цену, устраивающую обе стороны.

Постепенно, акции многих аккумулировались в руках немногих и как следствие, актуальность открытого акционерного общества отпала. Предприятие стало ЗАО, а фактически стало принадлежать одному лицу – акционеру Сикорскому В. А.

Владимир Адамович был хорошим не только экономистом и управленцем, но и психологом.

Внешний антураж на предприятии не претерпел практически никаких изменений, хотя перемена рыночных условий хозяйствования и собственника, произошла. Так же перед административным корпусом росли ели, также оформлялась доска почёта с огромными портретами передовиков, также развешивались на флагштоках знамёна (России, города и предприятия), также на огромном стенде перечислялись промышленные показатели фирмы, выведенные через трафарет.

Внешне всё выглядело как в советские времена.

Ещё положительным моментом, характеризующим Сикорского, как хорошего менеджера, явилось то, что даже в самые тяжёлые и кризисные времена, сокращений и увольне-

ний работников по инициативе предприятия не производилось. Политика сохранения кадров велась во все времена. Доверие работников к стабильности и надёжности фирмы, как работодателя, была незыблемой.

От банковских, драконовских кредитов, Адамыч отказывался принципиально. Он говорил:

– Зачем нам кормить ещё кого-то? Мы люди труда, всё делаем своими руками, нам финансисты-нахлебники не нужны.

ЗАО «Промышленная изоляция» было довольно крупным предприятием. Для города Белогорска – точно. Расположенное в промышленной зоне города, оно владело участком в 4 гектара, на котором разместились: 2-х этажный административно-управленческий корпус, производственный цех, где ранее производился изоляционный материал, три капитальных складских ангара. Многочисленные строительные вагончики были разбросаны по не менее многочисленным объектам подряда. Также имелись погрузчики, подъёмная спецтехника для работы на высоте и около десяти служебных легковых автомобилей. Годовой оборот фирмы исчислялся в 100 миллионов рублей при среднесписочной численности работающих сто человек.

Вот такое хозяйство досталось Максиму Сергеевичу Пахомову по приказу о назначении генеральным директором от 03.01.2017г.

Тогда, на корпоративе, Сикорский сказал:

– Пришло время передать бразды правления молодым, энергичным менеджерам, – у директора подрагивал от волнения голос. – Мой выбор пал на человека, отлично знающего все участки работы, человека честного и открытого, образованного и делового – это мой заместитель, а теперь и ваш руководитель Пахомов Максим Сергеевич.

Надо сказать, эта новость была не такой уж новостью, поскольку все уже догадывались о будущем приемнике – последний год зам тянул всё.

Наедине же, Владимир Адамович сказал Максиму:

– Максим, ты знаешь мою ситуацию. Сыну предприятие я доверить не могу. Игроман со стажем – всё спустит в трубу. А дочь? Что дочь, она в другом городе, да и дети у неё подростки. Некогда ей. А ты мне не чужой – мы с твоим отцом были добрыми друзьями.

Максиму было жаль Адамыча, поскольку хуже нет, когда родители разочарованы в своих детях, а труд всей жизни некому передать по наследству.

– Я, конечно, не отойду окончательно от дел, – произнёс Сикорский. – Буду приглядывать, если что помогать советом, но ты уж постарайся сохранить и коллектив, и предприятие в целом.

Тогда, Максим не стал напоминать старику, что последние 2 года были не совсем удачными для фирмы. Работа в «ноль» – признак смены восходящего тренда, за которым может последовать спад. Предполагалось, что это временные трудности и всё наладится. Но, как говорится, «мы предполагаем, а господь располагает».

Прошедший год принёс Максиму достаточно неприятных сюрпризов.

Первым, как поначалу считал Макс, был приход на проверку налоговиков. Он помнил этот день, поскольку совпал с его Днём рождения.

В тот день, после утреннего поздравления коллектива, к нему в кабинет постучалась и вошла, запыхавшийся главный бухгалтер – Антонина Васильевна, 55-летняя хрупкая женщина, имеющая двойной дефект речи: заикание и шепелявость. Притом заикание у неё особо сильно проявлялось, когда она начинала предложение после какой-нибудь паузы. Поэтому она старалась говорить, не останавливаясь и на вдохе, и на выдохе. Начало речи обычно у неё начиналось с тройным кивком головы, но не вниз, а вверх:

– П-п-позвонили из налоговой, едут к нам на проферку. Что телать будем?

Вопрос был нелогичный и ставящий в тупик, поэтому Макс ответил не менее изысканно:

– В смысле?..

Главбух опять повторила первое предложение, но уже без дурацкого вопроса. При этом было видно, что у неё скакнуло давление, а шея и лицо покрылось красными пятнами.

– Будем проверяться, что ещё скажешь, – ответил Максим. – Предоставлять документы и давать пояснения, а также не волноваться и показывать всем своим видом страх перед ревизорами.

Последнее замечание как-то отрезвило главбухшу. Трижды кивнув перед словом «Х-х-х-орофо», она выпорхнула из кабинета.

Бригада налоговиков, приехавших на фирму на служебном авто, представляла из себя двух молодых девчонок и того же возраста худощавого парня, скорее всего вчерашних студентов. Выйдя из машины, которая, развернувшись уехала, они остались на площадке перед входом в административный корпус и начали весело друг с другом болтать.

Глядя в окно своего кабинета, Максим подумал, что данные «желторотики» не повод для беспокойства. Опыта и стажа у них «кот наплакал», поэтому всё может обойтись «малой кровью». Но почему они не поднимаются? Ждут ещё кого-то?

Ответом на его вопрос, явился степенный подъезд красного Nissan Juke, из которого неспешно вышла симпатичная блондинка невысокого роста и тяжёлой грудью.

Во всех её движениях чувствовалась отточенная уверенность и превосходство. И хотя она была невысокого роста, шла так размеренно, как будто имела «ноги от ушей» и рост не менее 177 сантиметров. Она прошла мимо «желторотиков», которые сразу же устремились за ней.

Максим предупредил секретаршу о подходе «гостей», а сам метнулся за свой рабочий стол, поправил бумаги, лежащие на столе, зачем-то коснулся монитора компьютера и картинно взял в руку листок какой-то сметы, якобы изучая её.

После «робкого» стука в дверь его кабинета, появилась секретарша и официально произнесла:

– Максим Сергеевич, к вам представители из налоговой. Им подождать?

– Нет-нет пусть заходят, – сказал Максим, придавая своему голосу уверенности и спокойствия.

Только после того, как они вошли в его кабинет, Максим отложил в сторону листок, держащий в руке и сложив ладони домиком, произнёс:

– Здравствуйте. Не сказать, что рад, но добро пожаловать.

Нужно было показать ревизорам, что их не боятся, но и не особо рады, что для них, собственно, никогда не являлось новостью. Но в то же время, для проверки предприятие открыто и готово сотрудничать.

За всех говорила и всех представляла бригадир проверяющей группы, та самая уверенная в себе блондинка – Светлана Викторовна Рассадова, советник государственной гражданской службы РФ III класса.

Её тон был более чем официальным. Про такой тон обычно говорят, что он не сулит ничего хорошего, особенно недобросовестным налогоплательщикам или тем, кто что-то знает и что-то скрывает. Дистанция была обозначена сразу.

В глазах её Максим увидел холодную уверенность, но также не мог не отметить, что единожды в них промелькнул оценивающий и чуть игривый блеск.

Светлана Викторовна, как заправский переговорщик, обозначила условия, при которых должны работать инспекторы: отдельный кабинет с телефоном, компьютер с выходом в интернет, стол и 4 стула, а также было бы неплохо иметь в кабинете МФУ – многофункциональное устройство для сканирования и ксерокопирования документов. Также выразила пожелание о

наличии чайника и посуды. Последнее больше смахивало на обязательное условие и притом, чтобы к нему прилагались чай, кофе, конфеты и печенье.

Этот вывод для себя Максим Сергеевич сделал, когда Светлана Викторовна, в общих чертах обрисовала, как их «встречали» на предыдущей проверке.

После ознакомления с решением о проведении проверки и вручением под роспись требования о предоставлении документов, инспекторы не появлялись на предприятии пару недель, выдерживая регламентные сроки.

За это время, Антонина Васильевна похудела ещё больше, хотя откуда в столь тщедушном тельце взяться запасу жира?

Она с утра и до вечера носилась с какими-то папками, сверяла и «крыжила» отчёты, давала указания своим девочкам из бухгалтерии, распечатывала и ксерокопировала документы, заверяла копии.

Как-то вечером, с сокрушённым видом, она постучалась в кабинет к Максиму и сказала: – Т-т-токументы по требованиям я п-потготовила, но у меня всё-зе есть опасения по некоторым насим субпотрягчикам.

Максим знал, что главбух имела ввиду.

За последние три года, а именно их проверяли налоговики, у ЗАО «Промышленная изоляция», как подрядчика Заказчиков, были свои подрядчики, которые уже для Заказчиков выступали в качестве субподрядчиков, или «субчиков» как их называли на строительном сленге.

Некоторые такие «субчики» были не совсем благонадёжными. Но в своё время, через них, вернее их услуги, можно было возместить НДС из бюджета и уменьшить, причитающийся к уплате в бюджет налог на прибыль.

Обычно такие субподрядчики работали за нал, либо безнал, который потом обналичивали, поскольку привлекали в качестве рабсилы мигрантов – таджиков, молдаван или иных незадекларированных элементов и не имели на балансе ни основных средств, ни официальной среднесписочной численности.

Такие фирмы обычно существовали недолго – год-два, затем бросались или «продавались» подставным лицам.

Поэтому-то у Антонины Васильевны и было вполне обоснованное опасение, что данные фирмы не подтвердят своих взаимоотношений с ЗАО «Промышленная изоляция», а налоговики смогут убрать из затрат предприятия расходы по данным сделкам и доначислить в бюджет налог на прибыль, не говоря уже об НДС, приходящимся на эти хозяйственные операции.

– Антонина Васильевна, я думаю, как бухгалтер, вы уже ничего с этим сделать не сможете, – сказал Максим. – Тем более, в своё время, это было волевым решением руководства.

Он посмотрел, на еле сдерживавшую слёзы женщину.

– Война план покажет, а мы с Вами не юнцы, не нюхавшие пороху, – он пытался успокоить сотрудницу, хотя у самого на душе скребли кошки. – Придумается что-нибудь.

В своё второе пришествие пред очи Макса, Светлана Викторовна была чуть менее официальной и более раскрепощённой.

В подготовленный для проверяющих кабинет, она разместила инспекторов за общим круглым столом, сама же сидела за отдельным. Каждый проверял определённый налог: кто налог на добавленную стоимость, кто налог на прибыль, кто налог на доходы физических лиц. Светлана Викторовна контролировала их работу и одновременно штудировала папки с договорами.

Надо сказать, что если вопросы к главному бухгалтеру со стороны «желторотиков», так мысленно для себя Максим обозначил молодых налоговиков, носили поверхностный характер,

не сулящие фирме серьёзными осложнениями, то вопросы, поставленные Светланой Викторовной перед несчастной Антониной Васильевной, вызвали в последней неподдельный ужас.

Бедный главбух в такие минуты, чтобы скрыть от усилившегося волнения свои речевые недостатки, отвечала полным тупым молчанием. Только ей известно, какой стресс она переживала в те моменты.

Как ответственный работник, она душой радела за свой участок работы – бухгалтерию: следила за своевременным обновлением справочно-информационной системы «Специалист+», календари бухгалтера висели на всех четырёх стенах кабинета бухгалтерии, как обереги от лиха, папки со стеллажами скоросшивателей стояли, как на параде на Красной площади: все они были прошиты и пронумерованы, аккуратно подписаны. Во всём чувствовался порядок, вытекающий от любви главбуха к своей работе. Она просто купалась в своих первичных документах и наслаждалась работой за компьютерной бухгалтерской программой «1-Ц». На любой вопрос могла ответить в течение нескольких минут, независимо от времени проведения хозяйственной операции... Она была в своей стихии.

А тут эта, грудастая Горгона, ковыряет своими вопросами самые больные точки, о которых она и так прекрасно знает, но ничего поделать не может. Обидно становилось до тошноты, поэтому-то Антонина Васильевна и уходила в себя, в своё негодующее и презрительное молчание.

Светлана Викторовна, молчание главбуха расценивала по-другому, а именно, как однозначное признание ошибки и, соответственно, вины.

Понимая, что от главбуха ей не добиться каких-либо пояснений, тем более она видела в её взгляде непоколебимую решимость молчать, Светлана Викторовна решила предстать перед симпатичным генеральным директором, тем более козыри на руках уже имелись.

– Максим Сергеевич, – Рассадова жеманно взяла себя за локти: во-первых, это выглядело по-деловому, во-вторых, женственно и в-третьих, на языке жестов означало не полную изоляцию. – Боюсь, у Антонины Васильевны, отсутствуют ответы на мои вопросы, поэтому я обращаюсь к вам за разъяснениями, как к руководителю.

– Безусловно постараюсь прояснить все вопросы и помочь вам сформировать в отношении нашего предприятия правильное мнение, – Максим старался говорить уверенно хотя понимал, что время «Ч» пришло.

Светлана Викторовна выдержала небольшую паузу, давая тем самым понять, что вопросы серьёзные и требуют обязательных объяснений.

– В ходе проверки, мною было установлено, что ваша фирма имела хозяйственные операции с недобросовестными контрагентами. – Рассадова снова выдержала паузу, давая переварить эту неприятную информацию директору, который с непроницаемым лицом смотрел на неё своими голубыми глазами. – В ходе предпроверочного анализа, а также согласно наших электронных баз данных, эти ваши подрядчики не уплачивают налоги, не имеют постоянного местонахождения, не имеют основных средств и какой-либо численности работающих в штате. Также, неизвестными лицами по доверенностям, снимаются наличные денежные средства в банках этих организаций.

Перечисление признаков недобросовестности контрагентов было долгим и каждый фактор ударом молотка отдавался в голове Максима.

«Да, фактура у тебя убийственная!» – подумал Максим, глядя на чётко подведённые контурным карандашом губы бригадирши, сам же вслух задал следующий вопрос:

– Я вижу, Светлана Викторовна, что вы, специалист высокой квалификации и имеете за плечами большой опыт. – Макс считал, что лесть, никогда не была во вред, если только её не хотели слушать. По виду Рассадовой он понял, что ей приятно её слышать, но этого было недостаточно. – Скажите, чем это грозит предприятию?

– Для предприятия это не есть хорошо, – Светлана Викторовна любила эту часть разговоров с директорами. – Я, конечно, не имею права обсуждать с вами предварительные итоги проверки до официального документа – акта, но учитывая ваше доброе отношение к проверяющим и условия, вами созданные для нас, поделюсь этой информацией. Ведь все мы – люди.

Эта тирада Светланы Викторовны была подготовленной, направленной на доверительное общение.

– Учитывая, что таких контрагентов у вас порядка десяти, то в суммовом выражении доначисления по налогу на прибыль и НДС составят около 10 миллионов рублей, – в спокойной констатации этого факта, крылось нечто большее, а именно ожидание реакции директора, по которой Рассадова могла определить перспективу состоявшегося разговора.

Максим старался изо всех сил, чтобы не присвистнуть. Чтобы скрыть волнение, он сложил руки на груди и уставился задумчивым взором на монитор своего компьютера. Он знал, что за ним наблюдает пара зорких ревизорских глаз, поэтому любое движение, любое слово в данный момент могло значить многое.

Светлану Викторовну Рассадову, как позже узнал Макс, за глаза сослуживцы называли «СВР», что соответствовало известной аббревиатуре разведывательного управления. Её характер и методы проверки в полной мере отвечали имиджу разведчика.

Прежде, чем идти на проверку Светлана Викторовна, дотошно изучала резюме предприятия, его отчётность, сравнивала различные показатели, сверялась с базами данных. Затем она, придя на проверку проводила как бы разведку боем, задавая неудобные вопросы и вынуждая капитулировать налогоплательщика ещё на ранних стадиях. Достигнув определённых договорённостей, она также тихо и незаметно сворачивала свою активную деятельность и просто руководила инспекторским составом, направляя его усилия в нужное русло.

Максим знал, что в пресловутой «подушке безопасности» фирмы был последний миллион. И после согласования с Адамычем, решено было его использовать для решения налогового вопроса.

Но эта цифра!!! Она просто выбивала из колеи, рисуя в шокированном сознании проекты банкротства предприятия.

«Хорош директор!» – подумал Максим. – «8 месяцев и фирма – банкрот!»

Конечно, это не его вина, поскольку решения о привлечении к сотрудничеству подобных «контриков» в тот период принимал Адамыч, но с другой стороны от этого никуда уже не деться и ему нужно, как директору, разруливать ситуацию, проявлять свои лучшие способности управленца.

– Вы сказали замечательный тезис, – ровным голосом сказал Максим, отрывая взгляд от монитора и переводя его в глаза ревизорше. Затем взгляд невольно скользнул по груди. – Все мы – люди, поэтому должны искать общие точки соприкосновения и решать вопросы по хорошему.

«А он неплох!» – подумала Рассадова. – «Достоинно держится, не истерит и не начинает ныть, как многие, да к тому же весьма привлекателен».

– Предлагаю продолжить нашу беседу сегодня после работы и где-нибудь поужинать. – Макс решил во что бы то ни стало разрешить столь сложную задачу по нависшему банкротству над предприятием, благодаря усилиям фискального органа. – Как вы смотрите на ресторан «Добрыня Никитич»? Я заберу вас в 17–00, где скажете.

Единичка с шестью нулями, написанная на салфетке в ресторане, по мнению Макса закрывала полностью вопрос с проверкой. И это был оптимальный вариант, но здесь он ошибался.

Эта сумма была лишь вознаграждением «разведчицы», которую она запросила за свои услуги.

«Услуги» заключались в том, что вместо 10 контрагентов в акте будет отражено всего 3 и притом по ним будет собрана не полная доказательственная база. Дело в том, как потом заверяла Светка, что у них в налоговой имеется внутренний циркуляр, обязующий доначислять по актам налоговых проверок не менее 3 миллионов рублей в бюджет, в противном случае само предприятие и ревизорский состав оказывались под колпаком у вышестоящей инстанции на предмет коррупционной составляющей.

– Доначисления по этим трём контрагентам можно будет с лёгкостью оспорить в суде, да и «доказуха» будет составлена неграмотно, – убеждённо говорила Светка, лёжа рядом с Максом. Она заявила к нему без приглашения через неделю после их первого «пересыпа». – Максюш, ты не расстраивайся, всё будет как в «лучших домах Лондона и Парижа», поверь моему опыту!

Макс подозревал, что опыт у Светки был немаленьким, учитывая, что она молодая и разведённая женщина, в полном расцвете сил.

«Интересно, у неё каждая проверка заканчивается постельными приключениями?» – подумал Макс, а затем отбросил эту мысль, как не заслуживающую внимание.

Что связывало его с этой женщиной? Проверка и постель. Вынужденная необходимость соития без чувств. Завтра она уйдёт на другую проверку и их ничего не будет связывать. Может быть секс, такой же эпизодичный и ради поддержания формы.

Тем временем Светка, продолжала приводить аргументы, в пользу сложившегося расклада дел, как бы извиняясь и успокаивая Макса.

«С другой стороны», – думал Макс, – «это в любом случае лучше, чем могло бы быть, не будь разведчица такой предприимчивой. Должен же быть и в запахе пороха сладкий аромат».

Макс переключил своё внимание, на призывно колыхающиеся светкины груди.

Глава 3. Пороховой дым

Последняя капля хуже любой бочки с порохом.

Л. С. Сухоруков

Среда, 03 января 2018 года

С налоговой проверкой и её результатами, Максу было более-менее всё понятно. Как и обещала Светка, акт, а затем и решение было вынесено на общую доначисленную сумму налогов, штрафных санкций и пени в 3 миллиона рублей.

Впереди было оспаривание в суде, поскольку вышестоящий налоговый орган оставил апелляционную жалобу ЗАО «Промышленная изоляция», без удовлетворения.

Нужен был толковый юрист. Светка и тут хотела посодействовать и кого-то порекомендовать, но Макс сказал, что у него есть на примете свой.

Между тем, за всеми этими налоговыми перипетиями, в 2017 году Макс увидел более серьёзную проблему для бизнеса и вверенного ему предприятия, растущую, как раковая опухоль, не один год.

Когда Сикорский представлял его коллективу, как нового директора, Макс порывался сказать старику о негативных тенденциях в экономике фирмы (хотя не уверен, что он о них не знал), но не решился, сочтя их за временные и проходящие трудности.

А они были. Количество договоров с заказчиками сокращалось из месяца в месяц. Выигрывать тендеры становилось всё труднее. Работа без прибыли съела почти все резервы предприятия за два года. С 2015 года в Белогорске из одиннадцати строительно-монтажных управлений и фирм на плаву оставались лишь два, включая его предприятие. Остальные либо обанкротились, либо сменили специализацию. Подрядный бизнес в стране, как по мановению волшебной палочки или чьей-то всемогущей руки, сыпался на глазах.

Это обстоятельство, Максим связывал с общей кризисной макроэкономической ситуацией в России, связанной с антигосударственными санкциями ведущих мировых держав.

Максим Пахомов предпринимал отчаянные попытки для обеспечения живучести предприятия: постоянно мониторил тендерные площадки, рассылал многочисленные заявки, давал объявления через СМИ, вёл деловую переписку с потенциальными заказчиками – всё как будто упиралось в глухую стену.

Именно тогда, Макс решил реанимировать сайт своей фирмы в интернете. И поскольку это требовало дополнительных вложений, то в целях экономии, делал всё сам.

В любое свободное время Максим, методом «тыка», изучал основы веб-программирования и сайтостроения, сео-продвижения и оптимизации для поисковых систем. Он подряд и с жадностью читал статьи на эти темы, в любимых закладках на его рабочем столе было свыше 100 тематических сайтов.

Он осуществил переезд сайта, сменив хостинг-провайдера. Ему практически заново пришлось создавать сайт и его структуру, притом наполняемость сайта уникальным контентом, также осуществлялась самостоятельно.

Макс неплохо ориентировался в HTML-кодах и подружился, как администратор, не только с главным конфигурационным файлом, но и с файлами .htaccess.

Благодаря этим неимоверным, титаническим усилиям директора и новому, полноценному сайту, у фирмы появилось несколько мелких контрактов, которые позволили хотя бы держаться на плаву.

Крупная же «рыба» обитала на тендерных площадках.

ЭТП – электронных торговых площадок в России в 2015 году насчитывалось аж 66 штук. Они создавались под патронажем Комиссии Мининдустриалразвития РФ. Кураторство министерства проявлялось в выдаче необходимых разрешений на осуществление этого вида деятельности и проверке соответствия регламентных требований. Но поскольку регламентные требования по организации и проведению электронных торгов не были законодательно урегулированы, а вся их деятельность осуществлялась на основании подзаконных актов – приказов, распоряжений, то о порядке в системе не могло быть и речи.

Из 66 ЭТП, только 10 обеспечивали 90% сделок на рынке.

Притом, на этих 10 площадках «обитали» представители крупнейшего российского бизнеса – газовые и нефтяные монополисты, металлургические гиганты и транспортные картели, с их неисчислимыми имущественными объектами.

С одной стороны, тот кто придумал тендеры, а это, безусловно, инструмент рыночной экономики, преследовал благую цель – получить на спрос наиболее достойное предложение. Получить услугу по самой выгодной цене и, таким образом, формировать адекватное рыночное ценообразование, развивать конкуренцию, наполнять рынок услуг и в итоге двигать экономику вперед.

С другой стороны, механизм тендерных торгов был не идеален и прорехами в его структуре могли воспользоваться некоторые, нечистые на руку дельцы.

Было время, когда к Максиму навевались некие неизвестные личности с предложениями помочь выиграть тот или иной тендер за определённый процент. Притом процент колебался от 10 до 30%, в зависимости от привлекательности заказа.

Как-то раз, двое мужчин кавказской внешности в деловых костюмах, при галстуках, но с холодными и равнодушными глазами, приехали к нему в офис на чёрной Toyota Camry с регионом 177:

– Мы видим, что у вас специализированное предприятие, у которого имеются все необходимые ресурсы и возможности для оказания услуг, – говорили они. – Но, как вы понимаете, за всё надо платить – мы тоже платим. В противном случае, лот может выкупить более дальновидный подрядчик.

Разговор с такими «прилипалами» длился у Макса обычно не более 3 минут. Услышав заветные три буквы, дельцы ретировались, унося с собой и своё предложение, и, увы, возможность для фирмы выиграть лот.

Прописав два-три раза «прогонные» для дармоедов, как называл их Адамыч, когда Максим рассказывал ему о подобных случаях, они испарились и больше с подобными предложениями не обращались. Видать внесли ЗАО «Промышленную изоляцию» в свои «чёрные списки».

И если визиты прекратились, то наоборот, телефонные звонки активизировались.

– Максим Сергеевич, это замдиректора Илючинской нефтебазы. Моя фамилия – Попов. Мы тут лот выставили на электронную площадку по ремонту воздухопроводов, – господин Попов говорил без обиняков. – То, что ваше предприятие участвует в тендере – хорошо, но не могли бы вы сняться, потому что у нас уже есть подрядчик, с которым мы работаем не первый год.

Максим поначалу с пониманием относился к подобным просьбам и удалял заявки на подряд, но вечно так продолжаться не могло, поэтому с его стороны звучала вполне конкретная просьба:

– Хорошо, но тогда давайте как-то идти навстречу друг другу. Не этот лот, так другую работу предлагайте.

Но работу никто так и не предлагал. Прокатившись несколько раз на такой «карусели», Макс плюнул на все «войдите в положение» и больше не снимался с торгов, предоставляя рынку решать – будет ли контракт на лот его, или нет.

Кто были эти люди, в чьих интересах действовали, Максиму оставалось только догадываться.

К организаторам проведения торгов у Макса также были вполне обоснованные претензии. Он догадывался, что существует система преференций для крупнейших заказчиков, размещающих лоты на торговых площадках.

Так, по размещённому заказу одной небольшой фирмы он выиграл лот. Заказ был небольшой, всего на 3 миллиона рублей, но дефектная ведомость к этому заказу была всесторонне и полностью освещена. 30 листов этой ведомости раскрывали все статьи затрат для подрядчика. Всё было прозрачно: и нормы, объективно привязанные к СНИПам, и даже перечень накладных расходов с обоснованными коэффициентами – сезонными и региональными.

Другой же заказ, от дочернего предприятия крупнейшего концерна «ПромГаз» с суммой лота на 100 миллионов рублей, имел до неприличия лаконичную дефектную ведомость на 2 листах, где указаны были лишь основные позиции. Именно в такой контракт и «врюхался» Максим Сергеевич Пахомов. Но обо всём, по порядку.

«Вот, это именно то, что нам сейчас крайне необходимо», – думал Максим, глядя на красивые цифры лота № 26705/И от 30.01.2017г., выставленного на сайте одной ЭТП. – «И относительно недалеко, всего 200 км от нас и специфика наша, да и заказчик не бедный, то есть не придётся скитаться по судам, выбивая окончательный расчёт. Будет и на сапоги, и на духи, и на помады» – Максим улыбнулся, вспомнив последнее выражение из популярной комедии.

Лиговский завод «ПромГазбезопасность», являлся структурным подразделением корпорации «ПромГаз». Объём работ был значительным и предполагал несколько этапов работ в течение года.

Прежде, чем подать заявку на участие в тендере, Максим позвонил Сикорскому, чтобы согласовать «упадочный» коэффициент, то есть, насколько процентов участник торгов – ЗАО «Промышленная изоляция» может опуститься от официальной цены лота.

– Контракт нам нужен, как воздух, иначе этот год мы просто не переживём, – сказал Максим. В его голосе одновременно звучала просьба и надежда. – Закрома, как вы знаете почти пусты и у нас максимум на что хватит средств, так это на полгода зарплаты работникам и докупку небольшого количества материалов.

Адамыч знал, что времена выигранных лотов по выставленной цене, то есть коэффициенту 1, канули в лету ещё при его управлении, оставалось достаточно голодных фирм до работы, таких, как они. Поэтому, после недолгих раздумий он произнёс:

– Меня, конечно, смущает неполная дефектная ведомость, да ещё неизвестно, какие условия они напишут в договоре, но ситуация, действительно, тяжёлая. Тебе надо ещё раз всё взвесить и просчитать. И уж коли советуешься со мной, то я бы выставил цену, оставив в «подушке безопасности» хотя бы 1 миллион.

Владимир Адамович, как всегда был прозорлив и дальновиден. Именно этот 1 миллион и пригодился для решения другого неприятного вопроса в течение года – налогового.

Получив одобрение старика, проведя и несколько раз перепроверив расчёты, Максим подал заявку по погашению лота с коэффициентом 0,7. Иначе риск упустить заказчика был велик.

Коэффициент 0,7 – это 70 процентов от цены выставленного лота, вполне позволял, по расчётам Максима, пусть не жировать, но сработать с небольшой прибылью. Граница бесприбыльности или безубыточности была в районе коэффициента 0,6.

С коэффициентом 0,5 выходили на ЭТП фирмы-однодневки, которые не платили налоги и не давали никаких гарантий, но в последнее время таких участников стали массово отсеивать из системы.

В феврале пришло подтверждение о победе в торгах. И завертелось...

Договор, представленный Лиговским заводом «ПромГазбезопасность» («ПГБ»), больше походил на вынесение приговора суда.

Условия были кабальными и начинались с того, что подрядчик для проведения с ним расчётов должен открыть счёт в банке, указанным заказчиком и изначально обслуживающим его. Дополнительные расходы подрядчика по открытию и обслуживанию счёта в банке, «ПГБ» не интересовали.

Оплата за принятые и подписанные работы, осуществлялась только через 2 месяца. «Неплохое кредитование за счёт подрядчика», – подумал Максим.

Твёрдую цену договора подряда, ушлые заводские юристы (или корпоративные, что вернее), превратили в «жидкую», обойдя трактовки Гражданского кодекса и внося в текст условие об опционе в 10%.

Читая договор подряда, у Макса стало возникать ощущение, что его фирма, как подрядчик, уже априори виновата в том, что заключила договор и кроме выполненной работы ещё останется должной заказчику.

Почти 70% текста было посвящено обязанностям подрядчика – ЗАО «Промышленная изоляция» и нескончаемому списку штрафных санкций за нарушение того или иного пункта договора.

Маразм договорных условий доходил до того, что цена работ по договору могла быть меньше уплаченных штрафов, которые могли вынести подрядчику за нарушения внутри объектного режима заказчика.

При составлении локально-ресурсной сметы, исходя из сроков выполнения этапов по договору и условиям, описанных в нём, Максим был крайне неприятно удивлён суммой дополнительных трат, предстоящих его фирме.

Во-первых, сроки выполнения первого этапа договора, начинались с даты его подписания. Заказчика не интересовало проведение подготовительных работ подрядчика: закуп и доставка необходимых стройматериалов, обустройство мест пребывания сотрудников (бытовок) на территории завода, поиск и найм арендованного жилья для командированных сотрудников, отсутствие готовых пропусков, униформы, газоанализаторов, биотуалетов...

Во-вторых, проведя техническую экспертизу на месте объекта, Макс понял, что сроки по сдаче этапов работ нереальны по сути. И об этом было изначально известно инженерной службе «ПГБ». А это значит пени, пени, пени.

В-третьих, в первый же день работ на территории завода, на работников ЗАО «Промышленная изоляция» было составлено внутренних административных протоколов на сумму более 300 тысяч рублей: кто-то на 5 км/час превысил скорость на погрузчике, кто-то залез на двухметровую высоту без каски, кто-то закурил в неполюженном месте и т.д. А сумма штрафов-то начиналась от 50 тыс. руб., это не КоАП точно!

Пожарная служба, служба безопасности, служба энергетика, транспортная служба, многочисленные начальники участков «ПГБ», как вороньё кружило над работниками ЗАО «Промышленная изоляция» – только и ожидая какого-нибудь прокола с их стороны, чтобы выписать штраф, ведь от этого зависела их премия.

Макс явно ощущал запах порохового дыма. У него под ногами просто горела земля. Он практически безвылазно находился на объекте.

Увещевать своих работников, или стращать их рублём за допущенные незначительные нарушения, по его совести, было несправедливо. Единственное, что он мог сделать – это объяснить работникам, что так делать нельзя, притом на доступном им нелитературном наречии.

Глядя на толстенную инструкцию по соблюдению внутривзаводского режима, Максим думал:

«Точно, Лев Толстой в свои года не писал такого. Это если рабочие только будут её изучать, а не работать, то как раз к окончанию срока первого этапа и успеют».

Раздражение к заказчику росло в душе Максима с каждым новым «сюрпризом».

Бытовки, которые имелись у фирмы не подходили под заводские требования: наличие современной проводки, противопожарной безопасности, огнеупорной защиты. Корпусы должны были быть изготовлены из жаропрочного материала. В то же время обязательным условием для технического состояния бытовок, являлось наличие кондиционера, ладно хоть без ионизации воздуха.

Модернизация вагончиков могла вылиться предприятию в кругленькую сумму, поэтому было принято решение обходиться без них. А это значило, что рабочие должны переодеваться в рабочую форму на проходной завода, а также у них не будет возможности элементарно в течение дня попить чай или просто присесть отдохнуть.

Как-то раз, приехав на завод и пройдя через проходную, Максима чуть не сбил с ног, держась за живот монтажник 3-й бригады – Исаев Евгений. Тот сломя голову выбежал с территории завода – заводские туалеты были для подрядчика закрыты!

Требование о наличии не менее 2-х собственных биотуалетов также не указывалось в дефектной ведомости при размещении лота Лиговского «ПГБ» на электронных торгах.

Этот эпизод окончательно вывел Максима из себя и он решил встретиться для разговора с директором завода – заказчика.

Максим Сергеевич Пахомов согласовал встречу через секретаря и явился на встречу с директором в 15–00, в понедельник 07 августа 2017 года.

Иван Яковлевич Старовойтов был старше Максима лет на пятнадцать. Выглядел он старше своих лет, поскольку был полностью седым. Возможно, он бы выглядел моложе, но накануне, в воскресенье, было 30-летие единственной дочери.

С утра он отменил планёрку, перенес её на утро среды, а сам завалился на кожаный диван в комнате отдыха, примыкавшей к его кабинету. Рядом с собой он поставил бутылку Нарзана и трубу для связи с секретарём.

– Наденька, что у меня на сегодня? – Иван Яковлевич всегда так ласково, по-отечески, называл свою секретаршу.

Наденька перечислила перечень запланированных на сегодня дел, упомянув о встрече с директором подрядчика – Пахомовым Максимом Сергеевичем.

– Ты, пожалуйста, принеси мне контракт с ЗАО «Промышленная изоляция», а по остальному сегодня отправляй к Чеховскому Даниилу Аркадьевичу, – Старовойтов хотел отлежаться в тишине и полистать документы. – Да, и принеси мне ещё бутылочку Нарзана.

Иван Яковлевич был в курсе всех отношений с подрядчиками, поскольку всё проходило через него и даже его зам – Чеховской Д. А., если и принимал какие-то производственные решения, то обязательно согласовывал с ним. С данным же контрагентом у завода были объективно непростые взаимоотношения. Пухлый контракт с многочисленными изменениями и дополнениями, заявками, отчётами, согласованиями, графиками, претензиями и обращениями, больше напоминал книгу жалоб и предложений, притом жалобы были со стороны подрядчика, а предложения, вернее предписания, со стороны заказчика.

Ровно в 15–00 секретарша сообщила по внутренней связи о приходе Пахомова М. С.

Максим и волновался перед встречей, и нет. В нём бурлило негодование, хотя он и понимал, что сейчас нельзя давать волю эмоциям. Также он знал, что от этого разговора будет зависеть многое: будет ли продолжен пресс, или же всё-таки здравый смысл возьмёт верх.

Войдя в кабинет к директору, он, как ни странно не увидел никого. Лишь через минуту, из примыкающей к кабинету комнаты, появился его хозяин.

В руках у него был скоросшиватель с наклейкой, содержащей одно название – «Промышленная изоляция».

«То, что он изучал дело – уже неплохой знак», – подумал Максим, – «А то, что не созвал для беседы своих замов и помощников говорит о его профессионализме и подготовленности».

Старовойтов тяжело плюхнулся в своё кресло, небрежно махнув рукой в сторону любых стульев, стоящих за Т-образным столом.

Максим вспомнил, что где-то на психологических тренингах говорилось о том, что для доверительного общения нужно как можно больше сократить дистанцию, поэтому он присел на ближайший стул перед директорским креслом.

Иван Яковлевич первым начал разговор:

– Здравствуйте. Ну кто я, вы знаете, кто вы я тоже, поэтому, слушаю вас.

Поздоровавшись, Максим начал с официальной информации.

Он рассказал о своей фирме, кратко о её истории, скромно протянул на стол Старовойтову рекламный буклет с прикрепленной к нему своей визиткой.

– Всё это я знаю, – как бы с раздражением, буркнул Старовойтов. – Обычно это делают, когда знакомятся и только предполагают сотрудничество, у нас же с вами уже не один месяц объекты ремонтируются.

Тем не менее, буклет с визиткой были кратковременно взяты в руку и удостоены мимолётным взглядом.

Максим вспомнил давно забытое ощущение страха и неуверенности, когда отвечаешь на экзамене преподавателю в институте, на неподготовленный вопрос. Волна робости набегала прибоем и поглощала в своих водах, выстроенную цепочкой, линию рациональных доводов. Весь подготовленный сценарий проведения беседы шёл насмарку. От этого обстоятельства у Максима, и без того натянутые нервы дали сбой:

– Я пришёл к вам, как к руководителю и серьёзному человеку, – Максим говорил напряжённо. – Делать вид, что всё хорошо ни у вас, ни у меня, увы, не получится.

И тут Максима прорвало.

Начиная, с вводящего в заблуждение своей неполнотой данных лота на электронных торгах, нереальностью исполнения сроков по этапам работ и заканчивая невыносимыми условиями для производства работ, Максим сыпал фактами, как из рога изобилия.

При этом он, обычно спокойный, нервно жестикулировал. Скорее всего только это, привлекло внимание Ивана Яковлевича во всём монологе Максима и он, прервав его на полуслове выпалил:

– А вы что хотели? Взятся за куш – не говори, что не дуж! И не надо здесь крыльями размахивать! – Старовойтов мог ответить на вспыльчивость. – Вас кто-то гнал за этим контрактом или вы не грамотные и не умеете читать, что подписываете?

– Если бы мы не подписали, то нас, как «отказников» внесли бы в чёрные списки всех электронных торговых площадок, как неблагонадёжных. И вы это должны знать, – Максим, умерив пыл, пытался теперь говорить вразумительно.

– Не знаю в каких списках вы бы значились, но по факту контракт есть контракт, а вы должны его исполнять. – Старовойтов вернул разговор в начало.

Далее их разговор напоминал игру – «Продолжи предложение». Максим начинал что-то говорить, Старовойтов завершал, притом не сильно напрягаясь в эристике – искусстве ведения дискуссии:

– Можно ли согласовать новые сроки по этапам выполнения работ?

– Сроки по этапам оговорены договором.

– Можно ли сократить размеры штрафов?

– Размеры штрафов определены внутренними распоряжениями по заводу и не подлежат изменению.

– Отдельным пунктом в договоре сказано, о возмещении вами, наших командировочных расходов?

– Цена договора является фиксированной, а ваши ресурсные сметы составлены на полную сумму договора. Ваше право было включать или не включать туда затраты по возмещению командировочных расходов ваших сотрудников.

– Почему нормы по списанию материалов вы не принимаете по СНИПам?

– У нас разработаны свои нормы, которыми вы должны руководствоваться.

– Вы начисляете пени за просрочку сдачи этапа, но ведь пени по ГК РФ должны начисляться за просрочку платежа, ведь не мы вам платим?

– Хорошо термин «пени» мы заменим на «штрафы».

– Можно ли организовать элементарно бытовое помещение для работников в каком-нибудь закутке одного из ваших цехов?

– Согласно договора, подрядчик обязуется своими силами и за свой счёт...

– Можно ли хотя бы дать возможность пользоваться туалетами на территории завода? Даже в концлагерях фашисты так не делали?

– Смотрите предыдущий ответ...

Максим чувствовал, что он играет в пинг-понг с бесчувственной стеной: равнодушной и жёсткой. Он понял, что пробить её невозможно и встреча директоров ни к чему не привела.

Смысла сидеть в кабинете директора Лиговского «ПГБ» и приводить какие-то аргументы, он больше не видел.

Резко поднявшись, Максим Сергеевич Пахомов, глядя прямо в глаза господину Старовойтову, сказал:

– Мой отец часто говорил мне одну фразу: «Сын, как бы не сложилась судьба, как бы она тебя ни била и ни склоняла, всегда оставайся человеком! Человечности нельзя научиться, она передаётся с генами от родителей, как и агрессия. Будь человечным и справедливым и передай это своим детям!» – развернувшись, Максим пошёл к двери.

За ручку двери, ему не дал ухватиться возглас Старовойтова:

– Стойте!

Что-то изменилось в интонации директора. Потом была продолжительная пауза.

– Что вы можете знать о человечности? О справедливости? – Иван Яковлевич неспешно поднялся со своего кресла и подошёл к окну, уставившись в него невидимым взором. – Об этом легко рассуждать людям, которые не пережили настоящих потрясений в жизни.

Максим, стоя у двери, повернулся к директору завода лицом и внимательно слушал.

– Я лишился человечности, да и чувств тоже, два года назад, когда судьба, как вы говорите, склонила меня в три погибели. – Старовойтов замолчал, как бы мысленно перенесаясь в то время.

На его скулах заходили желваки, и он с усилием выдохнул через нос.

Максим молчал, боясь чем-то отвлечь человека, собирающегося с мыслями.

– Вы теряли близких людей когда-либо, притом неожиданно и бесповоротно? – По тону вопроса, Максим понял, что Старовойтов искал какой-то поддержки и солидарности.

– К сожалению, да.

И Максим рассказал о гибели родителей в авиакатастрофе два года назад.

Иван Яковлевич внимательно выслушал, всё ещё стоя у окна, а когда Максим закончил, то подошёл к телефону и нажав вызов секретаря, сказал:

– Наденька, организуйте нам, пожалуйста, лимончик, шоколад. Ну вы поняли. Спасибо. Затем он снова подошёл к окну и бросил Максиму:

– Да что вы стоите? Присядьте.

После того, как секретарша удалась, принеся с собой на подносе нарезанный лимон, плитку шоколада и суджук, Старовойтов достал из шкафа литровую бутылку виски Chivas Regal:

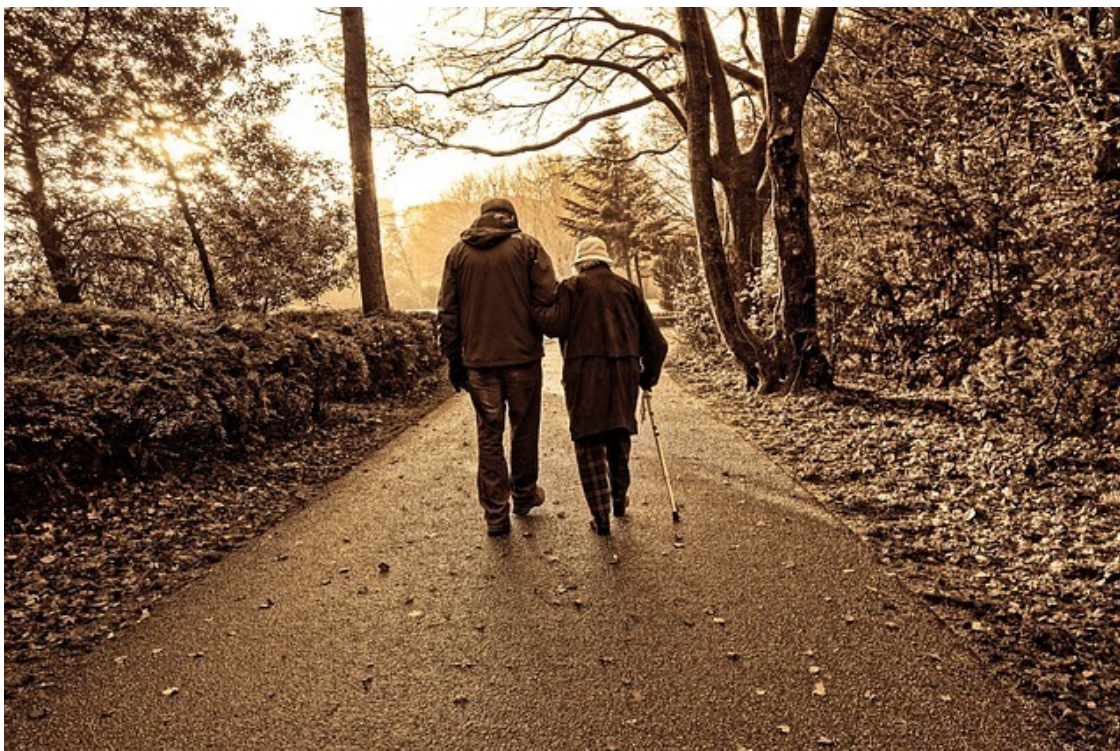
– Давайте помянем родителей, Максим Сергеевич. Они и оттуда наблюдают за нами и помогают здесь, в этой жизни.

С этим Макс не мог не согласиться. Он мысленно и благодарил их, и извинялся перед ними за то, что пришлось рассказать о них постороннему, в общем-то, человеку.

После этого, Иван Яковлевич, достал из своего письменного стола листок и передал его Максиму:

– А это, собственно, та самая справедливость, о которой вы говорили.

Максим ожидал увидеть всё что угодно: какой-то циркуляр, приказ или даже дополнительное соглашение, но не стихи.

Однажды осенью, гуляя в парке,
Средь златолистных тополей,
Увидел две прижавшихся фигуры
Друг к другу, пожилых людей.
Ведомый беспокойной мыслью,
Я подбежав спросил: «Чем Вам помочь?»
В ответ услышал: «Всё отлично!
Встречаем внуков и единственную дочь.»
Тут старики наперебой зашебетали,
Какая славная у них семья,
Как внуки учатся, что им задали,
Что можно делать, ну а что нельзя.
Успехи дочери, что на работе
Карьеру делает на радость им,
Всегда в делах, в круговороте,

Не поступаясь лишь одним. –
В кругу семьи собраться вместе
Почувствовать тепло души.
Всё обсудить: и новости, и вести
И просто помолчать в родной тиши...
Я, попрощавшись, тихо отошёл.
Услышал сбоку незнакомый голос:
«У них давно уж нету никого -
Авария. Машина. Тормоз...»

И тут, до Максима дошло, что творилось на душе у этого человека. Какую боль он испытывал, потеряв в одночасье дочь и внуков. Почему его понятие справедливости и человечности растворилось, как утренняя дымка над морем. Их просто некому было больше передавать.

– Вчера, моей Наденьке, исполнилось бы 30 лет, а внукам-близнецам было бы уже по девять. – Взгляд Старовойтова был пустым, как будто он пребывал не в этой реальности. – Жена не смогла справиться с болью и сейчас она в клинике, а я..., что я?.. Я отдаю себя работе, чтобы только забыться и как-то отвлечься от тягостных дум.

Теперь уже Максим, не проронив ни слова, налил в стаканы виски, и они не чокаясь выпили...

Два «родственника» сидели уже три часа рассказывая и вспоминая, слушая и сопереживая. Иван Яковлевич давно так ни с кем не разговаривал, а тут практически с незнакомым человеком, он изливал душу, освобождая её от тяжести гнёта.

И хотя их сближала эта тема, они через какое-то время снова переключились на рабочие вопросы.

– Что ты думаешь, я слепой и ничего не вижу, – вопрошал Старовойтов у Максима, с которым перешёл на «ты» на половинном уровне жидкости в бутылке. – Для иностранцев у нас созданы все условия: бытовки – пожалуйста, субподряд – пожалуйста, Wi-Fi – пожалуйста. Они разве что сосиски не жарят на мангале. У них условия договоров, как «небо и земля» с твоим. Скажу больше, мало того, что им платим в валюте, так они ещё и 50% аванс получают, не приступив даже к работе. А работают кто? Такие, как вы, только уже за копейки и в статусе «шабашников», – так Старовойтов называл субподрядчиков по цепочке.

Максим видел на территории завода иностранных подрядчиков. Безусловно условия, для них созданные разительно отличались от тех, в которых работала его фирма.

– Скажу тебе Максим и то, что, в принципе, не должен говорить, но мне плевать – Иван Яковлевич понизил голос. – *Нас заставляют так поступать!* Создавать невыносимые условия для работы отечественных подрядчиков и обеспечивать режим наилучшего благоприствования иностранным подрядчикам и фирмам с их долей участия.

Зачем это надо, директор «ПГБ» не знал, а вот кому это надо он знал точно.

По каждому заключённому контракту, наверх в головное предприятие «ПромГаз», ежемесячно уходил отчёт.

По рассылаемым внутренним циркулярам, требовалось докладывать «наверх» о суммах выписанных штрафов, сроках выполнения этапов работ и причинах их отставания от графика, какие меры приняты, какие санкции наложены. Притом, это касалось в основном взаимоотношений с отечественными подрядчиками.

Иван Яковлевич, как руководитель завода, построенного ещё во времена Союза, смог перестроиться на новые, рыночные методы управления, а вот в душе, в душе он был патриотом.

Он с болью отмечал, что в последнее время отечественных подрядчиков становилось всё меньше, зато доля иностранных неуклонно приближалась к 50% от общего числа фирм, оказывающих подрядные и ремонтные услуги.

– Могу дать тебе ещё один совет. – Иван Яковлевич проникся доверием к Максиму, хотя в этом, возможно, было виновато спиртное, которое обильно оросило вчерашние дрожжи. – Судись с нами! Чёрт с ним, что вашу фирму концерн включит в перспективе в чёрные списки на электронных торгах. Такая у них политика – «Кто слишком умный, тот таскает не алюминий, а чугуний!»

Последняя фраза означала, что если есть недовольные политикой «ПромГаз» подрядчики, которые отстаивают свои интересы в суде, то в дальнейшем концерн не имел с такими фирмами никаких хозяйственных взаимоотношений.

– Что ты теряешь? – не унимался Старовойтов, – только то, что больше не будет таких «подрядных мышеловок», не будет унижения, не будет нервов, не будет убытков. Найдутся другие заказчики, которые предпочтут работать с тобой, а не с иностранцами.

Логика была железная и Максим это понимал. Уже сейчас, с учётом всех штрафов и ещё предстоящих расходов, ЗАО «Промышленная изоляция» по этому контракту вошла в зону неприбыльности. А когда нет прибыли, тогда получается только работать за еду.

С директором Лиговского «ПГБ», Максим расстался пусть не друзьями, но на хорошей ноте. Понимание было достигнуто, хотя от этого мало что зависело:

– Я человек подневольный, – сказал Иван Яковлевич Старовойтов. – Против течения плыть бесполезно, всё равно снесёт. Буду артачиться – снимут, желающих на моё место, хоть отбавляй. А мне до пенсии всего ничего, да и жену не оставишь. Так что, Максим Сергеевич, ты уж меня извиняй.

Тем не менее, через пару дней его прораб на участке производства работ Лиговского «ПГБ» доложил о том, что доступ к туалетам на территории завода у них открыт и даже можно питаться в заводских столовых, хотя и за свои деньги.

Глава 4. Бабочка – это животное насекомое

**Жизнь – трагедия для тех, кто живёт чувствами,
и комедия для тех, кто живёт умом.**

Жан де Лабрюйер

Воскресенье, 06 мая 2018 года

«Завтра мы, наконец-то встретимся!» – от волнения у Макса перехватывало дыхание. – «Завтра он впервые прикоснётся к ней, пусть даже робким поцелуем в щёку, или простым рукопожатием, ощутит запах её волос, услышит её голос... Завтра...»

Мысли скакали в голове влюблённого, уже не молодого человека, как жеребцы на ипподроме: «А что, если?», «А если, она?», «А вдруг, я?», «Может быть?...»

Максим Сергеевич Пахомов был обычным человеком, с его слабостями, склонностями, страхами и переживаниями.

Его нельзя было назвать ранимой натурой, но эмоциональной и творческой личностью точно. Романтизм, скорее всего, уходил корнями в детство, с его музыкальным прошлым. Его мама, Лилия Владимировна, всегда говорила:

– Если научишься хорошо играть на каком-нибудь инструменте, все девочки твоими будут.

Максим, однако, быстро забросил, привитый к нему мамой баян, как несовременный инструмент, которым «кадрить» девчонок на улице не получится и быстро освоил шестиструнную гитару с её септ аккордами и баррэ.

У него был отличный слух, настолько, что даже в шуме и гаме, он мог свободно настроить «в хлам» расстроенную гитару, а красивый лирический баритон сводил с ума не одну девичью душу.

Тогда же, он впервые начал писать стихи и подбирать к ним музыку на гитаре. Слова, как и музыкальное сопровождение не отличались профессионализмом, но это было его, родное и уникальное – зеркало его юношеского состояния и мировоззрения.

В институте и стройотряде – Макс был центром внимания противоположного пола. Никогда ещё в его недолгой, молодой жизни на него не было устремлено столько восторженных женских глаз: красивых и печальных, влажных и красноречивых, вызывающих и покорных.

Но выбрал он одни – вызывающие...

Десятилетний брак с Ириной продержался в основном благодаря стараниям Максима. Нельзя сказать, что этот семейный союз был основан на глубоких чувствах любви – нет. Вначале, отношения строились на страсти, свойственной молодым людям с повышенным либидо. Физическое преобладало над духовным.

Но рутинность бытия, рано или поздно побеждает. Она притупляет даже самые острые чувства, ретуширует радость секса, заволакивает едким дымом очаг семейного счастья.

После безуспешных попыток завести ребёнка, который бы обострил, раскрасил и вдохнул новую жизнь в отношения супругов, брак был обречён на забвение.

Привычка, как последняя стадия после страсти и любви в семейных отношениях, долго не отпускала Максима.

Он помнил этот период, когда, как побитый и мокрый пёс вернулся в родительский дом, где его поддержали и не дали окончательно упасть духом. Помогла также работа, которой он отдался сполна, чтобы только почувствовать себя живым, востребованным и перспективным.

Тогда, ровно на 10 лет, от Максима ушёл беспечной походкой моряка романтизм, с его розовыми очками.

И вот теперь он возвращался. Да ещё как! С накопленным десятилетним, нерастраченным запасом: вдохновляйся – люби, влюбляйся – люби, сторай – люби, страдай – люби, чувствуй – люби!

И если Максим был обычным человеком, то женихом он был весьма завидным, по провинциальным меркам – точно!

Помимо трёхкомнатной квартиры, доставшейся ему от родителей, Максим имел гараж, куда ставил свой, практически новый Subaru Forester, поскольку почти всё время ездил на служебной машине. Вклад в банке насчитывал несколько миллионов рублей: частично отложенной заработной платы и премий за время работы в ЗАО «Промышленная изоляция» и 2-х миллионов рублей, полученных в качестве компенсации при гибели родителей в авиакатастрофе.

В холостяцкой квартире Макса, после смерти родителей был сделан евроремонт, кроме одной комнаты – родительской. Максим решил оставить всё так, как было при них, чтобы иногда, в минуты ностальгии он мог заходить туда, как раньше и общаться с ними, пусть и мысленно.

Также, хорошая перспектива по судебным искам с Лиговским «ПГБ» и налоговой инспекцией, давали все основания полагать, что Сикорский подарит часть акций своему приемнику на директорском кресле.

Что делать холостяку, отдыхая иногда от работы?

Друзья были все женаты и имели кучу семейных обязательств. Нечастые дружеские встречи, обычно сводились к двум темам: рыбалке и посиделкам в гаражах. Причём последняя тема, обычно превалировала и состояла из распития горячительных напитков, купленных на «заначки».

Оставалась сестра, которая всегда была рада приезду Максима в их загородный коттедж: хоть в будний день, хоть в праздничный. Но и у неё была хроническая занятость на работе, особенно в последнее время, когда персонала станций скорой помощи катастрофически не хватало, ввиду маленькой зарплаты и большой текучести кадров. Сестра работала там, как говорится «по совести, а не по принуждению». Деньги у них в семье зарабатывал Вадим, её муж, – предприниматель и хозяин рынка строительных материалов.

Сестра много раз пыталась познакомить брата, то со своими более молодыми подругами, то коллегами, но все её попытки были безуспешными. Макс был непреклонен. Он, даже, чтобы не обнадёживать потенциальных невест, придумал свою отворотную версию о неразделённой и единственной любви, которую будет ждать всю свою жизнь.

И, кажется, дождался...

Всё начиналось буднично. Макс был зарегистрирован в социальной сети «Поделись!», которая насчитывала несколько миллионов пользователей и в которой выкладывались посты на различные темы.

Тематика: от автомобилей и как их ремонтировать до психологических тестов, определяющих черты характера человека, от ситуационных семейных проблем и способах их разрешения до описания экскурсий и путешествий участников сообщества.

Информация была разная, подчас противоречивая, но там каждый высказывал свою точку зрения, комментируя и оценивая, ставя лайки или дизлайки.

Аккаунт в социальной сети, Макс завёл чуть более года назад, где разместил краткое резюме и свою фотографию за рулём, только что купленного кроссовера. Там он выглядел клёво – в тёмных очках «под Тома Круза» и с трёхдневной тёмной щетиной (разве что без палочки-зубочистки).

Не прошло и часа, как к нему в «гости» стали массово заходить пользователи, в основном женского рода и предлагать «дружить».

Как новичок, Максим принимал в «друзья» всех. С ними затесались распространители, рекламщики и спамеры. Через определённое время, освоившись на проекте, Макс начал их массово удалять, также, как и наиболее активных дам, с их настойчивыми вопросами и намерениями на продолжение знакомства, но уже в реале.

С Ланой, он познакомился случайно.

Как-то на глаза, Максиму попался пост об отдыхе в Египте. Писала его, судя по аватарке, молодая женщина. Она была очень красивой.

«Ну вот, очередной, «божий одуванчик», прячет свою личину за прекрасным образом», – подумал Максим.

С аватарки на него смотрела ни много ни мало известная актриса и топ-модель – Шарлиз Терон. Но приглядевшись внимательнее (фото было мелкое), Макс понял, что это реальная фотография реального человека.

Пост был аккуратно оформлен и структурирован. Фотографии были сделаны на высоком профессиональном уровне. Язык написания был доступен читателям и что особенно понравилось Максиму, без грамматических ошибок. Он терпеть не мог, когда женщина имела плохой почерк или допускала множество ошибок.

Максиму вспомнился случай, когда сестра, знакомя его с очередной «невестой», представила симпатичную девушку. В разговоре, чисто случайно, они затронули тему коммунистической партии Советского Союза и её генеральных секретарей. Девушка, до этого молчавшая и внимательно слушавшая разговор, вставила такую реплику про Леонида Ильича Брежнева:

– А что, он ещё живой?

Внимание к симпатичной девушке у Максима растаяло так же быстро, как и её, оставленный без ответа, вопрос.

Макс не мог оставить без оценки пост о Египте и выразил свой респект автору в комментарии:

«Спасибо за интересный рассказ и чудесные фотографии. Написано с душой и с позитивом», – Макс был искренен.

Через некоторое время, автор поста, ответила ему, что рада, что ему понравилось и всегда готова помочь сориентироваться в выборе отелей в Египте, поскольку отдыхает там 2 раза в год и является завсегдатаем «красноморских» курортов. Смайлик в конце предложения, лишь подтверждал её позитивный настрой к общению.

После этого первого их контакта, Максим добавился в «друзья» и уже отслеживал все последующие посты Ланы, у которой было только одно имя под аватаркой, а в резюме значился один лишь город проживания – Москва.

Публикуя свои посты, Макс уже ждал её комментария и, в свою очередь, ждал её сообщений, чтобы комментировать их. Когда это происходило, то после комментария, следовал подкомментарий. И так по кругу. Их ветка общения с каждым разом, становилась всё длиннее и напоминала диалог двух людей, которым уже не интересна сама тема поста – им интересно общаться друг с другом.

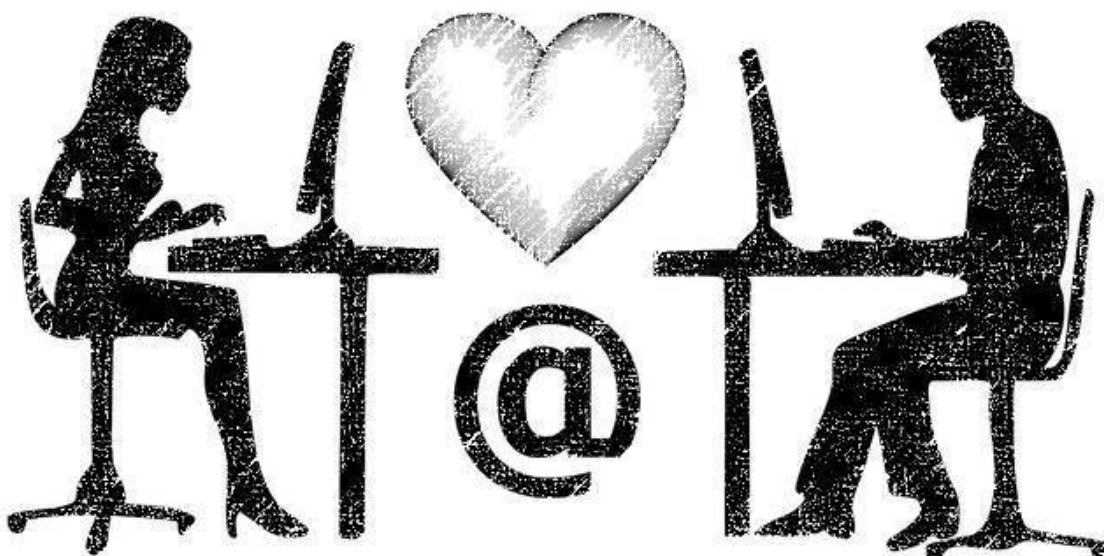
В переписке Макс не пытался остроумничать, у него это выходило, как-то, само собой. Он юморил и зачастую использовал нарицательные значения слов, что, несомненно отличало его от многих иных комментаторов – «сухарей». Как он позже узнал, именно это обстоятельство, привлекло внимание Ланы к нему.

Примерно через месяц после такого общения, Макс сделал первый шаг, чтобы поближе узнать друг друга. А что было ему терять? Он предложил Лане составить портрет каждого из них, исходя из тех немногих данных, почерпнутых от недолгого общения и уже имеющихся постов.

Лана охотно согласилась на этот эксперимент, но с одним небольшим условием: никаких имён, фамилий и точных данных, поскольку её муж довольно известная личность, являющаяся правительственным чиновником. Было бы опрометчиво с её стороны делиться фактически с незнакомцем своей личной информацией, которую, кто знает, как он может использовать.

Условие было вполне обоснованное, тем более Макс и сам знал, сколько в интернете сейчас развелось мошенников и спамеров, «охотников за сенсациями», рекрутеров и просто не порядочных личностей.

Вообще, ранее, Макс всегда скептически относился к общению в интернете, в частности, к знакомствам. По этому поводу у него даже был стишок:

Так уж устроен человек –
По психологии пройдемся:
Общенья словесных рек,
Чрез сайты ищет и знакомства.
Так, проще стало заводить
Друзей, по взглядам схожим.
Сложнее даже суп сварить,
Иль кашу, предположим.
Спустя неделю в переписке,
Знакомы будто сотню лет.
Не потому ли стали близки,
Что ноши обязательств нет?
Знакомства будут интересны
В «букетно-сладостный» этап:
Реалии не так чудесны,
На смену лайкам придёт храп!
Найдётся куча «закавычек», -
Знакомый опустил в письме.
Приверженец дурных привычек
Таких, как в страшном сне.

Знакомиться «вживую» надо:
Общаться, узнавать, смотреть,
Дружить не в качестве проката,
А так, как можете уметь!

Составленный Ланой портрет Макса, практически полностью соответствовал действительности, за исключением, может быть, мелких деталей. У Макса даже мелькнула мысль, что она какая-нибудь провидица, или работает в спецслужбах, имеющих доступ к любой информации. Настолько точно она нарисовала его психологический портрет и описала вехи жизненного пути, что Пахомову стало как-то не по себе. С другой стороны, ему это польстило, так как её вниманием он, всё-таки, завладел.

Написать её портрет, как казалось Макс, тоже не составит особого труда.

Судя по размещённым ею обзорам, она много и часто путешествовала: Париж, Рим, Берн, Вена, Прага, Барселона, Лондон, Стамбул, Каир, Амстердам, – далеко не полный перечень её заграничных вояжей.

Если обратить внимание на бриллиант в один карат на кольце ручной работы, выполненного из золота 750 пробы, идеальный маникюр, прекрасное состояние кожи и длинные, натуральные, здоровые, шикарные волосы, доходящие до талии, можно предположить, что она не работала, её обеспечивал богатый муж, или же она была любовницей, ещё более богатого «старого перца». Этот вопрос, Максим обдумывал дольше остальных, остановившись всё-таки на варианте с «перцем».

Касательно детей, Максим предположил, что у неё есть один ребёнок.

Портрет Ланы в видении Макса был готов. К нему, для «затравочки» он присовокупил, что она не совсем счастлива.

«Художник» и психолог из него оказались никакими. Хотя в чём-то и он был прав.

Лана была к своим тридцати семи годам, вполне состоявшейся женщиной. Красива, умна, образована, богата.

В первый раз она рано вышла замуж. Тогда ей только исполнилось восемнадцать лет, а уже в девятнадцать она родила красавицу дочку. Дети быстро рождаются, у любящих друг друга родителей. А Лана и её первый муж – Сергей, любили друг друга до умопомрачения. Их познакомили родители, которые, в свою очередь, познакомились на отдыхе в Сочи.

Самое яркое чувство в жизни любого человека – это первая любовь, с её романтикой, страстью, буйством красок и, даже в какой-то степени, безалаберностью. Молодёжь не задумывается над последствиями: для них существует только здесь и сейчас. Их подхватывает торнадо чувств и эмоций, затянув в свою воронку, полностью подчинив себе. Нет сопротивления, нет страха, нет ума...

Беременность и рождение дочери Вики, стало для молодой супружеской пары не только неожиданным сюрпризом, но и первым испытанием на прочность, которое они практически преодолели. Сергей, коренной москвич, будучи старше Ланы на пять лет, был молодым специалистом. В то время модно было становиться либо экономистом, либо юристом. Сергей выбрал экономику.

Он целыми днями пропадал на работе, рассчитывая нормы, составляя сметы и формируя отчёты, а затем ещё оставался допоздна, составляя бизнес-планы на продажу. Спрос на них был достаточно высок, поскольку народ массово рвался в предпринимательство, после непредсказуемых для бизнеса лихих 90-х.

Заказчик обычно представлял идею в общем виде, а Сергей должен был дать ей экономическое обоснование, рассчитать риски и вывести финансовый результат. Платили за такую

работу немного, но всё же это позволяло молодым держаться на плаву, даже в таком дорогом для жизни городе, как Москва.

Через пять лет, Лана заочно закончила институт по специальности «Иностранный язык». Она свободно говорила на двух языках: немецком и английском, а также практиковалась на арабском.

Немецкий язык, Лана освоила первым. Её отец был военный и они несколько лет прожили в Германии. Тогда же у неё проявилась любовь к фотографии.

С помощью родителей была приобретена «двушка» в одном из спальных районов столицы – Фили – Давыдково. Сергей, продолжал упорно и много работать. Они даже планировали заводить второго ребёнка, но... Однажды утром, он не проснулся – острая коронарная недостаточность.

Что испытала молодая двадцатипятилетняя женщина сложно было представить. Остаться одной с шестилетней дочерью в огромном, не родном городе, было страшно. Постоянной работы не было, поскольку Лана полностью полагалась на мужа, занимаясь воспитанием дочери. Немногочисленные подработки переводами не могли закрыть все потребности бюджета семьи. Бабушки и дедушки старались помогать, но родители Ланы были далеко – в Ростове-на-Дону, откуда были родом, а родители Сергея были и вовсе пенсионерами.

– Не расстраивайся, родная, пробьёмся как-нибудь, – увещевали родители Ланы. – Ты у нас молодая, красивая и умная женщина, а с такими качествами всё ещё может устроиться. В крайнем случае, переберёшься к нам.

Но Лана не хотела как-нибудь, как не хотела покинуть столицу с её неисчислимыми возможностями и перспективами. Её натура бойца как раз и проявилась после смерти Сергея. Она была похожа на героиню известной саги «Унесённые ветром» – Скарлетт О'Хара.

Но в отличие от той же Скарлетт, она не стала думать о жизни завтра, а сконцентрировалась на дне сегодняшнем.

Имея за плечами модельное прошлое, пусть и в провинциальном Ростове-на-Дону, она решила попробовать себя менеджером такого агентства. Плюсом к её резюме являлось знание иностранных языков и увлечение фотографией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.